

ЕЩЕ ШАГЪ ГРЯДУЩАГО ХАМА

ALFRED OTTO VON S. 1851

Уйди отъ скандала. И если даже услышишь: «караулъ! помогите!»—уйди. Это не жертва скандала кричитъ, а онъ самъ. Уйди молча: для него единственная казнь—молчаніе.

Футуризмъ—скандалъ. Надо молча уйти отъ него. Если же говорить, то не о немъ самомъ, а о тѣхъ причинахъ, которыя заставляютъ о немъ говорить.

Какія, въ самомъ дѣлѣ, причины, что мы попали въ скандалъ футуризма?

Всемирное невѣжество газетной критики—одна изъ главныхъ, а также особенная русская рыхлость, мягкотѣлость, податливость. Всѣ на все готовы, и никто ничего не хочетъ, а футуристы *какъ будто* хотятъ чего-то.

Вотъ почему нигдѣ скандалъ футуризма не разразился съ такой непристойностью, какъ у насъ, въ Россіи. Кстати же совпалъ онъ и съ внезапно охватившей насъ жаждою лекцій, преній, диспутовъ. Какъ будто вся Россія сейчасъ—оружейная палата, гдѣ стучатъ молоты, новое оружіе куютъ, новую идеологію. Ну, а что, если только языки стучать, а не молоты? Футуризмъ, кубизмъ, акмеизмъ, символизмъ, реализмъ,—какое-то бѣшенство «измовъ», кликушество. Достаточно первому шуту гороховому взойти на кафедру съ лакейскою развязностью, чтобы всѣ рты разинули, уши развѣсили. «Ахъ, футуризмъ! Ахъ, кубизмъ! Ахъ, Мари-нетти!» Валомъ валяютъ, жмутся, тѣсняются, какъ овцы безъ пастыря.

Пришелъ таборъ дикарей, шайка хулигановъ,—скандалить, безчинствуетъ,—и всѣ покоряются, поднимаютъ «руки

вверхъ», какъ сидѣльцы въ лавкѣ, которую грабятъ экспроприаторы.

«Мы хотимъ прославить пощечину и ударъ кулака... войну, милитаризмъ, патріотизмъ, разрушительный жестъ анархистовъ... многоголосая бури революціи... презрѣніе къ женщинѣ... Мы хотимъ истребить музеи, библіотеки... Пусть же придутъ поджигатели съ почернѣвшими пальцами!.. Вотъ они! Вотъ они! Подожгите же полки библіотекъ!.. Возьмитесь за лопаты и молоты! Сройте основанія славныхъ городовъ!» (*Манифестъ о футуризмѣ*, 1909).

Если это не безстыдная реклама, не «всеоглушающій звукъ надувательства», то просто ахинея, ибо нельзя же соединять патріотизмъ и милитаризмъ съ анархизмомъ, пощечину и ударъ кулака съ откровеніемъ новой истины.

Казалось бы такъ. Но вотъ оказывается, что «вся наша эпоха подъ знакомъ футуризма»; что это — «возрожденіе культурныхъ цѣнностей»; что «бессознательная религіозность, несомнѣнно, кроется въ футуризмѣ»; что «мы еще услышимъ отъ него новое слово». («Футуризмъ», Генрихъ Тестевенъ. Москва, 1914.).

Неизвѣстному критику весь этотъ вздоръ, пожалуй, извинителенъ. Но вотъ и просвѣщеннѣйшій Петръ Бернгардовичъ Струве и академичнѣйшій Валерій Брюсовъ — туда же! Въ «Русской Мысли», въ этомъ домѣ, отъ всѣхъ «бѣсовъ» очищенномъ, выметенномъ и убранномъ, развели они футуристскую нечисть и теперь сами не знаютъ, какъ съ нею справиться.

Бѣдный Брюсовъ! Онъ ли не хранилъ святого огня на алтарѣ искусства? И вотъ, когда святотатцы говорятъ ему: «надо плевать на алтарь искусства», — Брюсову возразить нечего. Онъ ли не берегъ «великій русскій языкъ»? И вотъ, когда дикари или сумасшедшіе превратили этотъ языкъ въ нечленораздѣльный ревъ звѣриный, — Брюсову опять таки возразить нечего. Онъ пасъ футуристовъ, какъ пастухъ пасетъ овецъ, но овцы оказались волками, и волки съѣдятъ пастуха.

Что такое футуризм? Утверждение будущаго. Это не ново, ибо кто не утверждалъ и не утверждаетъ будущаго? Новизна футуризма начинается тамъ, гдѣ утверждение будущаго переходитъ въ отрицаніе прошлаго: чтобы создать то, что будетъ, надо уничтожить то, что было.

Такое противоположеніе будущаго прошлому отрицаетъ вѣчное, ибо вѣчное соединяетъ прошлое съ будущимъ: все, что было, и все, что будетъ, есть въ вѣчности.

Футуризмъ—мнимое утверждение будущаго, дѣйствительное утверждение *настоящаго*, т. е. ближайшаго прошлаго и ближайшаго будущаго, дѣйствительное отрицаніе вѣчнаго, т. е. отдаленнѣйшаго будущаго.

Футуризмъ—благословеніе сегодняшняго дня, поклоненіе существующему порядку вещей, «образу міра сего, преходящему»,—какъ вѣчному.

Да не будетъ того, что было; да не будетъ того, что будетъ,—да будетъ то, что есть. Футуризмъ называетъ себя «футуризмомъ» (отъ *futurum*—*будущее*), чтобы скрыть главную сущность свою—отрицаніе будущаго.

Душа настоящаго—позитивизмъ, какъ міросозерцаніе не научное, а религіозное (конечно, незаконно и безсознательно религіозное). Но, вѣдь это и душа футуризма: обезцѣнить всѣ религіозныя цѣнности, уничтожить самое «чувство потусторонняго»—главный завѣтъ его, и едва ли не единственный—единственная правда, подлинность, искренность, а все остальное—ложь, реклама, «всеоглушающій звукъ надувательства».

Футуризмъ—позитивизмъ, слегка подновленный, подкрашенный, перелицованный.

«Позитивизмъ—міросозерцаніе механическое». И тутъ опять у футуризма и позитивизма сущность одна.

«Послѣ царства животнаго вотъ начинается царство механики... Весь міръ управляется, какъ огромная спираль Румкорфа... Разумъ царствуетъ вездѣ». Это съ одной стороны, а съ другой: «Поэты-футуристы! я научилъ васъ ненавидѣть бібліотеки и музеи. Это для того, чтобы при-

готовить васъ *ненавидѣть разумъ*, пробудить въ васъ божественную интуицію». Разумъ отрицается, разумъ утверждается. Опять бессмыслица. Въ уничтоженіи библиотекъ не при чемъ разумъ; въ спирали Румкорфа не при чемъ интуиція.

Футуризмъ есть утвержденіе даже не механики, а «машинности», т. е. бездушности. Убійство Психеи, «души міра», «вѣчной женственности». Вотъ откуда «презрѣніе къ женщинѣ», «обезцѣненіе любви». Естественное зачатіе, материнство ненужно,—его замѣняетъ «размноженіе чело-вѣка механическимъ путемъ».

Человѣкъ мечталъ царить надъ природою посредствомъ механики. Но вотъ мнимый царь становится рабомъ своихъ рабовъ. Футуризмъ—рабья пѣснь машинѣ, владычицѣ міра.

Органическое медленно, и чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ медленнѣе; механическое быстро, и чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ быстрѣе. Быстрота—красота машины. «Мы, футуристы, возвѣщаемъ, что міръ обогатился новой красотой—красотой скорости».

Но моментъ скорости только одинъ изъ моментовъ, опредѣляющихъ движеніе даже съ точки зрѣнія механики: медленный ходъ колеса подъ нагруженной повозкой требуетъ большей силы, чѣмъ быстрое вращеніе того же колеса въ воздухѣ.

Это въ порядкѣ физическомъ, а въ духовномъ—тѣмъ болѣе. Тихое движеніе губъ въ улыбкѣ Джіоконды значительнѣе, чѣмъ громовое движеніе локомотива или мотора. Въ механикѣ цѣлой планетной системы нѣтъ ничего подобнаго движенію ростка изъ сѣмени.

Чтобы понять смыслъ движенія, надо знать не только, какъ скоро, но и *что* и *куда* движется.

Футуризмъ этого не хочетъ знать; ему все равно, что и куда, только бы скорѣе двигалось: стремглавъ—никуда. Мы скоро движемся, но можетъ быть, это—скорость камня, летящаго въ пропасть или сумасшедшаго, который изъ окна выпрыгнулъ.

Можетъ быть, движеніе наше на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ бѣлки въ колесѣ,—неподвижность въ движеніи. Китаецъ или Обломовъ на аэропланѣ—тотъ же китаецъ и тотъ же Обломовъ. И свинья, летящая въ лазури небесной,—та же свинья.

Новый матеріализмъ движенія ничѣмъ не лучше стараго матеріализма матеріи. «Автомобиль прекраснѣе, чѣмъ статуя Побѣды Самооеракіи». Для кого? Для готтентота. Футуристъ—готтентотъ, голый дикарь въ котелкѣ.

Да, возможна *одичалость во культурѣ*. Духовное вліяніе техники преувеличено. Человѣкъ страшно мало мѣняется. «Смертный» остается смертнымъ, т. е. животнымъ, познавшимъ смерть, въ свѣтѣ электричества, такъ же какъ въ свѣтѣ перваго огня «деревяннаго». Смерть непобѣдима никакою техникой. Знаніе смерти для смертнаго больше всѣхъ знаній.

Вглядитесь въ человѣческія лица, мелькающія въ современныхъ толпахъ большихъ городовъ: какое озвѣреніе! Одинокій на улицѣ Парижа или Лондона, какъ троглодитъ въ пещерѣ. Горилла, лѣсная звѣрушка, съ телеграфами, телефонами, аэропланами и броненосцами.

Образцы одичалыхъ культуръ—Вавилонъ, Ассирія, Римъ упадка. Сущность подлинныхъ культуръ — единомысліе, единомушіе: всѣ—одно; одно—во всѣхъ; сущность культуръ одичалыхъ —разъединеніе, уединеніе: каждый одинъ; индивидуализмъ торжествующій.

Еще недавно томились мы въ одиночествѣ:

Желалъ бы я не быть Валерій Брюсовъ...

Теперь уже не томимся, а торжествуемъ:

Я—геній, Игорь Сѣверянинъ,
Своей побѣдой упоенъ...

Футуризмъ—индивидуализмъ торжествующій, индивидуализмъ безъ трагедіи. Глубины бытія трагичны. Отказъ отъ трагедіи—отказъ отъ глубинъ, утвержденіе плоскости, пошлости, «лакееобразности».

— «Нѣтъ, никогда я не былъ такимъ лакеемъ» — могъ бы сказать современный человѣкъ футуризму.

Исторія—движеніе во времени. Время глубже пространства. Тѣло движется въ пространствѣ, духъ—во времени; въ пространствѣ есть то, что есть; во времени—и то, что было, и то, что будетъ. Футуризмъ отрицаетъ движеніе во времени, исторію, потому что отрицаетъ глубины, утверждаетъ плоскость.

Недавно въ Японіи возникла новая торговля углемъ, добытымъ изъ человѣческихъ костей на поляхъ Манджуріи, «по 92 коп. за 100 цинъ». Кости перерабатываются въ порохъ и въ видѣ разрывныхъ снарядовъ вылетаютъ изъ жерла пушекъ. «Слава неукротимому пеплу человѣка, который оживаетъ внутри пушекъ!»—воскликаетъ Маринетти.—Скорѣе: чтобы расчистить пути, упрячьте дорогихъ покойниковъ въ жерла пушекъ!».

Дикари пожираютъ своихъ престарѣлыхъ родителей. Надругательство надъ прошлымъ, отрицаніе исторіи—сущность дикарства—сущность футуризма.

«Бояться людей—значить ихъ баловать». И сердиться на нихъ—значить ихъ баловать. Не стоитъ футуризма бояться, не стоитъ на него сердиться. Сегодня онъ есть, а завтра нѣтъ, пройдетъ, забудется и не вспомнится. Упадеть и эта волна современности, какъ всѣ остальные падали. Но отразилось въ ней то, что во всѣхъ отражается.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣнцы
Загорались надъ землею...

Зѣнцы «Звѣря». — «Звѣря нужно поставить образцомъ»—объявляетъ футуризмъ. Да, если не къ Богу, то къ Звѣрю, потому что человѣкъ—равновѣсіе неустойчивое между Богомъ и Звѣремъ.

Самого Звѣря мы еще не видимъ,—видимъ только его отраженіе въ волнахъ современности. Волна за волной набѣгаетъ и падаетъ, а отраженіе остается; значитъ есть то, что отражается,—ликъ Звѣря.

«Кто подобенъ Звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ?» Сами футуристы меньше всего думаютъ объ этомъ пророчествѣ,—тѣмъ изумительнѣе точнѣйшее совпаденіе признаковъ.

Силу электричества, какъ «единственную мать будущаго человѣчества», «ослѣпительное царство божественнаго электричества», — славить футуризмъ. Электричество — огонь грозовой, низведенный съ неба на землю. Но вотъ и Звѣрь Апокалипсиса «творитъ великія знаменія, такъ что и огонь низводитъ на землю съ неба».

«Мы готовимъ созданіе *механическаго человѣка*»,—объявляетъ футуризмъ. Механическій человѣкъ—автоматъ—«образъ Звѣря», ибо «Звѣря нужно поставить образцомъ» человѣку. Но вотъ и Звѣрь Апокалипсиса «обольщаетъ живущихъ на землѣ, чтобы они сдѣлали *образъ Звѣря*. И дано ему вложить духъ въ образъ Звѣря, чтобы образъ Звѣря говорилъ и дѣйствовалъ такъ, чтобы убиваемъ былъ всякій, кто не будетъ поклоняться образу Звѣря». Отъ Бога—къ Звѣрю, отъ Звѣря—къ Автомату, механизму бездушному—таковъ путь нисхожденія, футуризмомъ начатый, но не имъ предсказанный.

Имъ же начато, но не имъ предсказано соединеніе «Блудницы» со «Звѣремъ», сладострастія съ жестокостью. «Развратъ есть сила... Надо обнажить похоть отъ всѣхъ покрововъ... Женщины, вернитесь къ жестокости, съ остервенѣніемъ нападайте на побѣжденныхъ, только потому, что они побѣжденные,—уродуйте ихъ... Та, которая слезами удерживаетъ мужчину у своихъ ногъ,—ниже проститутки, которая побуждаетъ своего любовника удерживать посредствомъ револьвера господство надъ подонками города». Это говоритъ футуристическая женщина. «Блудница со Звѣремъ»—проститутка съ хулиганомъ.—«На челѣ ея

написано имя: тайна, Вавилонъ Великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ». Вавилонъ—великій городъ современности, гдѣ царствуетъ проституція, обнаженная въ ослѣпительномъ свѣтѣ «божественнаго электричества», «упоенная кровью святыхъ, облеченная въ порфиру и багряницу, украшенная золотомъ, драгоценными камнями и жемчугомъ»,—т. е. всѣми «культурными цѣнностями». Что это, видѣніе или реальнѣйшая дѣйствительность?

Да, футуризмъ въ искусствѣ ничтоженъ, но въ жизни страшно значителенъ. Это дѣйствительное откровеніе будущего, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ самъ онъ думаетъ,—«апокалипсисъ» обратный и нечаянный.

Футуризмъ похожъ на будущее, какъ щенокъ на звѣря, червь на дракона: еще безсильный, беззубый, безкрылый, но тѣ мѣста уже чешутся, гдѣ выростутъ зубы и крылья. Зловѣщестрекошій звукъ пропеллера, звукъ стальныхъ «драконьихъ» крылъ—пѣснь футуризма—дѣйствительная музыка будущего.

«Апокалипсическій анекдотъ!»—хихикаетъ просвѣщенный Петръ Бернгардовичъ Струве. Но не менѣе просвѣщенный Карлейль не хихикаетъ: «Вы непрестанно подвигаетесь къ концу земли,—говоритъ онъ со страшной серьезностью, — вы въ буквальномъ смыслѣ завершаете путь, шагъ за шагомъ, пока, наконецъ, не очутитесь на краю земли; пока не сдѣлаете послѣдняго шага уже не надъ землею, но въ воздухѣ, надъ глубинами океана и клокочущими безднами. Или, можетъ быть, законъ тяготѣнія пересталъ дѣйствовать?» (Past and Present, III, 2).

Чувство «конца», единственное подлинное чувство футуризма, хотя онъ и самъ не понимаетъ его, какъ слѣдуетъ.

«Мы—на крайней оконечности столѣтій... Пространство и время умерли вчера,—мы уже живемъ въ абсолютномъ... Стоя на вершинѣ міра, мы бросаемъ вызовъ звѣздамъ!»—воскликаетъ футуризмъ съ хлестаковской развязностью. Смѣшонъ «Хлестаковъ, залетѣвшій въ надзвѣздныя про-

странства»,—смѣшонъ, но, можетъ быть, и страшенъ. Это футуристское чувство конца ложно и подлинно, дѣйствительно и призрачно. Футуризмъ еще не конецъ, а только *проба конца*. Пусть и эта не удастся, какъ тысячи другихъ, но удастся одна изъ пробъ,—и тогда, просвѣщеннѣйшій Петръ Бернгардовичъ, «сдѣлавъ, наконецъ, послѣдній шагъ уже не надъ землею, а въ воздухѣ», вы хихикать перестанете...

Футуризмъ—позитивизмъ ближайшаго будущаго—казнь за позитивизмъ ближайшаго прошлаго. Сохранить культуру, уничтоживъ религію или сдѣлавъ ее одной изъ «культурныхъ цѣнностей» (золотомъ и жемчугомъ на тѣлѣ Блудницы),—такова мечта позитивизма. Но, что религія—душа культуры и что нельзя вынуть душу, не убивая тѣла,—это понялъ футуризмъ. Новый позитивизмъ лучше стараго.

Для обоихъ религія—«клерикальныя нечистоты, отъ которыхъ надо очистить землю».—«Но почему же вы топчетесь такъ? Васъ удерживаетъ ровъ, великій средневѣковый ровъ, который защищаетъ Соборъ? Ну, такъ сравняйте его съ землей, старики, бросьте туда тѣ сокровища, подъ тяжестью которыхъ гнутся ваши спины,—безсмертныя изваянія, гитары, залитыя луннымъ свѣтомъ, излюбленное оружіе предковъ, драгоценныя металлы... Что, ровъ еще слишкомъ глубокъ? Такъ бросьтесь же сами туда! Пусть ваши старыя тѣла, наваленныя кучею, приготовятъ путь для великой надежды будущаго. А вы, молодые, бодрые, пройдите по нимъ! Галопомъ, впередъ!».

Просвѣщеннѣйшій Петръ Бернгардовичъ Струве, академичнѣйшій Валерій Брюсовъ, что вы на это скажете? Знаете ли, кто идетъ по вашимъ тѣламъ? Если еще не узнали, то скоро узнаете.

Футуризмъ—еще шагъ грядущаго Хама. Встрѣчайте же его, господа эстеты, академики, культурники! Вамъ отъ него не уйти никуда. Вы сами родили его: онъ вышелъ изъ васъ, какъ Ева изъ ребра Адамова. И не спасетъ васъ отъ

него никакая культура. Для кого Хамъ, а для васъ Царь. Что онъ захочетъ, то съ вами и сдѣлаетъ: наплюетъ вамъ въ глаза, а вы скажете: Божья роса. Кидайтесь же подъ ноги Хаму Грядущему!

Что такое «хамъ»? Рабъ на царствѣ. Безъ Царя Христа не побѣдить Хама. Только съ Царемъ истиннымъ можно сказать рабу на царствѣ: ты не Царь, а Хамъ.

ДЕКАБРИСТЪ БУЛАТОВЪ

DEKABRINSKYE BYVATOSI

Александръ Михайловичъ Булатовъ—герой 12-го года. Подъ Смоленскомъ былъ тяжело раненъ въ голову и умеръ бы, истекая кровью, если бы солдаты не вынесли его изъ огня на плечахъ. Подъ Бородинымъ такъ далеко зашелъ въ ряды непріятелей, что всѣ въ полку были увѣрены, что онъ погибъ,—но уцѣлѣлъ не болѣе какъ съ шестью людьми изъ всей своей роты. Въ 1814 году, въ триумфальномъ вшествіи русскихъ въ Парижъ шелъ, весь израненный, съ повязками на головѣ и на правой рукѣ, салютуя государю лѣвою. «Vive le brave!»—кричали французы и кидали ему подъ ноги цвѣты. Государь замѣтилъ Булатова и пожаловалъ ему золотую шпагу за храбрость.

А наружностью этотъ храбрый солдатъ напоминалъ фарфоровую куколку: такой бѣлый цвѣтъ кожи, такой нѣжный румянецъ, такіе голубые глаза. Въ лицѣ была неправильность: одинъ глазъ выше другого, и отъ этого все оно чуть-чуть на-криво, какъ въ кривомъ зеркалѣ, или какъ будто двѣ половины лица неровно склеены; должно быть, отъ этого же было въ немъ что-то тяжелое, странное, почти жуткое. Но стоило ему улыбнуться, чтобы кривизна исчезла,—и все лицо сдѣлалось правильнымъ и почти прекраснымъ. Въ улыбкѣ видна была душа его, душа солдата, простая и прямая, какъ шпага.

Недаромъ товарищи любили его, какъ брата, а нижніе чины «жалѣли» и «почитали», какъ отца родного. Этотъ немудреный и неученый армейскій полковникъ былъ такой же простой, какъ они. Вся философія его сводилась къ немногимъ правиламъ: не искать ни въ комъ, а итти всегда прямою

дорогою, служа во фронтѣ вѣрою и правдою своему царю и отечеству; давъ слово, держать его, въ чемъ бы оно ни состояло; дружбѣ не измѣнять; нижнихъ чиновъ не обижать, потому что «и подъ сими толстыми шинелями таятся сердца русскія, благородныя»; дорожить честью больше чѣмъ жизнью; и «всегда съ охотою умереть для пользы отечества». Горячихъ напитковъ не употреблять, а «въ картишки—можно, особенно, ежели по маленькой».

Было у него еще что-то, не входившее ни въ какія правила: когда онъ видѣлъ или только слышалъ, что сильный обижаетъ слабого, съ нимъ дѣлался припадокъ бѣшенства—«родимчикъ», какъ шутили товарищи.

Отецъ его, послѣ 50-лѣтней непорочной службы былъ оклеветанъ Аракчеевымъ и лишенъ государевой милости и сосланъ въ Сибирь. Когда Булатовъ сынъ узналъ объ этомъ, имъ овладѣло бѣшенство, и онъ рѣшилъ «вступить въ заговоръ» (хотя ни о какихъ заговорахъ тогда еще не слыхивалъ), чтобы отомстить Аракчееву и, можетъ быть, покуситься на жизнь самого государя. Эта безумная мысль исчезла вмѣстѣ съ «родимчикомъ»; но что-то осталось отъ нея, чего онъ и самъ не могъ бы выразить словами...

Осенью 1825 года Булатовъ получилъ трехмѣсячный отпускъ для раздѣла имущества послѣ смерти отца и изъ г. Керенска Пензенской губерніи, гдѣ командовалъ 12-мъ егерьскимъ полкомъ, пріѣхалъ въ Петербургъ.

Однажды, въ театрѣ, встрѣтилъ онъ Рылѣва, своего товарища по 1-му кадетскому корпусу. Рылѣвъ былъ чловѣкъ осторожный; но, вѣрно, замѣтилъ что-то въ словахъ или умолчаніяхъ собесѣдника, что побудило его закинуть удочку. Тутъ же, въ театрѣ, онъ отвелъ Булатова въ сторону и «потихоньку, съ усмѣшкою» (усмѣшка эта запомнилась ему—должно быть, не понравилась) сообщилъ, что въ Россіи существуетъ заговоръ, вотъ уже 8 или 9 лѣтъ, и «въ будущемъ году будетъ всему рѣшеніе».

«Признаюсь чистосердечно, — вспоминалъ впоследствии Булатовъ,—я не повѣрилъ ему и полагалъ, что подобные

разговоры не что иное, какъ болтаніе молодыхъ людей, которое вошло въ моду въ столицѣ».

Но, можетъ быть, все-таки сердце у него сильнѣе забилось, можетъ быть, вспомнилось ему, что онъ чувствовалъ въ минуту бѣшенства — «родимчика» — за неотомщенную обиду отца.

Онъ ничего не отвѣтилъ Рылѣву, больше не видался съ нимъ и забылъ или старался забыть объ этомъ разговорѣ. Торопился кончить дѣло о наслѣдствѣ, чтобы вернуться въ полкъ.

27 ноября получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ Императора Александра Павловича. Россія присягнула Константину I. Но манифеста отъ новаго государя не было, и ходили слухи, что дѣло неладно: Константинъ отъ престола отрекается. Наступило междоцарствіе.

Снаружи все было тихо, но внутри смута. Если бы Константинъ отрекся, то Николай воцарился бы. А его не любили: говорили, что онъ «золъ, мстителенъ, скупъ, на нѣмца похожъ и окруженъ будетъ нѣмцами»; а пуще всего боялись, что при немъ останется въ прежней силѣ Аракчеевъ или духъ аракчеевскій, и что это гибель Россіи.

Смута была внизу, въ народѣ, и еще большая смута, вверху, у престола. Курьеры скакали изъ Петербурга въ Варшаву, изъ Варшавы въ Петербургъ, но все безъ толку. А злые языки говорили, что «корона русская нынѣ подносится, какъ чай—и никто не хочетъ; съ головы на голову перебрасывается, какъ соломенное колечко въ дѣтской игрѣ — серсо».

Булатовъ, какъ всѣ желавшіе «пользы отечества», Николая не любилъ. Что если онъ воцарится? «За царя и отечество» — всегда звучало для Булатова единымъ вѣрнымъ звукомъ, а теперь — двойнымъ, фальшивымъ, какъ стекло съ трещиной. За царя противъ отечества, за отечество противъ царя — можетъ ли это быть? И если можетъ, то какъ раздѣлить ихъ? Какъ сдѣлать выборъ?...

6 Декабря, въ Воскресеніе, въ день тезоименитства Ни-

колая Павловича, Булатовъ обѣдалъ у лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручика Панова въ компаніи военныхъ, большею частью незнакомыхъ ему людей:

Несмотря на правило не пить, пришлось выпить: сначала за здоровье двухъ старыхъ гренадеровъ, тѣхъ самыхъ, которые вынесли его изъ огня подъ Смоленскомъ; потомъ за весь ихъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ въ 12-мъ году; и наконецъ за невѣсту хозяина; онъ при этомъ пилъ изъ башмачка невѣстина.

Послѣ обѣда начались «разговоры очень вольные», какъ Булатову казалось, «не для чего болѣе, какъ для выказки своего ума». Онъ отозвалъ Панова и просилъ унять молодыхъ людей, которые «врутъ вздоръ» и могутъ за это пострадать невинно.

Когда Булатовъ вернулся къ собесѣдникамъ, рѣчь зашла объ Аракчеевѣ. Одинъ молоденькій артиллерійскій поручикъ началъ говорить въ пользу Аракчеева. Булатовъ заспорилъ съ нимъ, вспылилъ и наговорилъ ему дерзостей.

— Желалъ бы я, сударь, чтобы вы сами были Аракчеевымъ: тогда слышали бы отъ меня всю правду!—сказалъ Булатовъ, чтобы кончить разговоръ. Но противникъ его согласился быть Аракчеевымъ, и Булатовъ облегчилъ сердце, выругалъ его какъ слѣдуетъ. Тотъ не обидѣлся, — только разсмѣялся. Булатовъ на минуту затихъ и посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Все еще не могъ успокоиться; къ тому же, съ непривычки, чувствовалъ, что выпилъ лишнее.

— Аракчеевъ, потерявъ любовницу, забылъ о пользѣ отечества,—началъ онъ опять,—а по моему мнѣнію, чело-вѣкъ, пекущійся о пользѣ отечества, не долженъ жалѣть о собственной жизни своей...

Эти два слова: «польза отечества» повторялъ онъ упорно и мучительно, какъ будто вдумывался въ нихъ, хотѣлъ и не могъ что-то понять.

Потомъ вдругъ взялъ въ руки пистолетъ, пустой или заряженный, не зналъ; и даже не помнилъ, какъ онъ очутился въ рукахъ его.

— Вотъ, друзья мои,—сказалъ онъ, приставляя дуло къ виску,—если бы отечество для пользы своей потребовало сейчасъ моей жизни,—и меня бы не было!

— Живите! живите!—закричали всѣ. Ваша жизнь нужна для пользы отечества, особенно, по теперешнимъ обстоятельствамъ...

«По какимъ обстоятельствамъ?»—могъ бы спросить Булатовъ, но не спросилъ. Опомнился и почувствовалъ, что голова у него кружится не только отъ вина. Вдругъ опять затихъ, какъ будто задумался: все чаще находила на него эта странная задумчивость, похожая на столбнякъ или безпамятство.

Потомъ скоро уѣхалъ домой. Такъ и не понялъ въ чемъ дѣло: былъ простъ, какъ голубь, но не мудръ, какъ змій.

Пановъ и гости его, заговорщики, члены Сѣвернаго Тайнаго Общества, испытывали Булатова,—и онъ испытаніе выдержалъ. Сѣть была разставлена такъ ловко, что онъ и не почувствовалъ, какъ увязъ въ ней—пока лишь однимъ коготкомъ; но коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть.

На другой день, по приглашенію Панова, Булатовъ поѣхалъ къ больному Рылѣву. Тотъ уже прямо повелъ съ нимъ рѣчь о заговорѣ: должно быть, зналъ о вчерашнемъ испытаніи.

Булатовъ опять, какъ и тогда, въ театрѣ, ничего не отвѣтилъ, но по его молчанію и смятенію Рылѣвъ понялъ, что на этотъ разъ «клюнуло».

— Я, по старой нашей дружбѣ, никакъ отъ тебя не могъ онаго скрыть,—продолжалъ онъ:—тебя знаютъ здѣсь за благороднѣйшаго человѣка... Комплотъ нашъ состоитъ изъ людей рѣшительныхъ...

— Такъ и должно быть, ибо на такія дѣла малодушнымъ рѣшаться не должно,—проговорилъ, наконецъ, Булатовъ, чувствуя, что молчаніе становится неловкимъ.

Слова его, видимо, понравились Рылѣву.

— Тебя давно сюда поджидали, и первое твое появленіе обратило вниманіе,—опять закинулъ онъ удочку.

Это значило: хочешь быть съ нами, да или нѣтъ?

Кто-то вошелъ. Рылѣевъ попросилъ Булатова заѣхать завтра.

Булатовъ имѣлъ время обдумать вопросъ. Но, чтобы отвѣтить, надо было знать, въ чемъ, «по теперешнимъ обстоятельствамъ», польза отечества. А этого онъ все еще не зналъ. И чѣмъ больше думалъ, тѣмъ меньше зналъ. Не поможетъ ли Рылѣевъ узнать?

На другой день бесѣда продолжалась. Рылѣевъ открылъ ему цѣль заговора—«уничтожить монархическое правленіе», т. е. «тиранскую власть».

— Какая же въ этомъ польза отечества?—спросилъ Булатовъ.

Рылѣевъ не понялъ его или не хотѣлъ понять и началъ говорить о представительномъ образѣ правленія, о двухпалатной системѣ, о выборѣ депутатовъ. Но это было совсѣмъ не то, что нужно Булатову: ему нужно было знать, что такое царь и отечество—одно или два; и если два, то какой сдѣлать выборъ, какъ раздѣлить сердце, какъ единымъ сердцемъ любить не единое?

Опять кто-то вошелъ.

— Это *нашъ*,—сказалъ Рылѣевъ, представляя гостю Булатова.

Однимъ этимъ словомъ: «нашъ» Булатовъ былъ принятъ въ заговоръ.

Что все это не шутка, какъ ему сначала казалось, онъ теперь уже понималъ. Люди жизнью не шутятъ. Но, вѣдь, и онъ не шутилъ своей честью и совѣстью. Почему же не отвѣтилъ: «нѣтъ, не вашъ»? Потому что не могъ отвѣтить по совѣсти ни да, ни нѣтъ, не могъ рѣшить и чувствовалъ съ ужасомъ, что чѣмъ необходимѣе рѣшеніе, тѣмъ невозможнѣе...

Съ минуты на минуту ждали въ Петербургѣ послѣдняго отвѣта изъ Варшавы, кому царствовать, Константину или Николаю.

12 декабря вечеромъ собрались заговорщики у Рылѣва. Пришелъ и Булатовъ, по приглашенію хозяина.

Здѣсь впервые онъ увидѣлъ главныхъ членовъ Тайнаго Общества: все молоденькіе ротные командиры; одинъ только полковникъ—князь Трубецкой, будущій «диктаторъ» мятежниковъ. Онъ все молчалъ, «принявъ на себя важность настоящаго монарха». Это не понравилось Булатову: ужъ не въ цари ли, въ самомъ дѣлѣ, мѣтитъ? Онъ ждалъ «чего-нибудь посерьезнѣе».

Говорили опять все не о томъ—не о «пользѣ отечества».

— Какова наша сила?—спросилъ Булатовъ у Рылѣва.

Тотъ отвѣтилъ неопредѣленно: «пѣхота, кавалерія, артиллерія». А по числу бывшихъ здѣсь командировъ, выходило не болѣе шести ротъ. Не обманываетъ ли ихъ Рылѣвъ? По кадетскимъ воспоминаніямъ Булатовъ считалъ его человѣкомъ «годнымъ только для заварки кашъ», а не для того, чтобы ихъ расхлебывать.

Что здѣсь, все-таки, больше хорошихъ людей, чѣмъ дурныхъ,—онъ сразу увидѣлъ. Но ему казалось, что почти всѣ идутъ въ заговоръ нехотя, потому что сомнѣваются, не могутъ рѣшить, гдѣ «польза отечества», и мучатся этимъ такъ же, какъ онъ.

Не рѣшивъ главнаго, рѣшили «вздоръ», по мнѣнію Булатова: въ случаѣ, если Константинъ отречется, возмутить войска и собраться на Сенатской площади, «а тамъ видно будетъ». На Булатова надѣялись, какъ на старшаго по лѣтамъ и по чину: онъ долженъ былъ принять команду вмѣстѣ съ Трубецкимъ, «диктаторомъ».

И онъ опять не возражалъ, все по той-же нерѣшимости. Да и жаль было «хорошихъ людей»: какъ покинуть ихъ въ такую минуту опасности не только для жизни, но и для чести и совѣсти.

Онъ былъ похожъ на солдата, который вдругъ ослѣпъ въ бою: нельзя сражаться и нельзя бѣжать.

Въ тотъ же день, 12 декабря, получено было въ Зим-

немъ дворцѣ отреченіе Константина, и на 14-ое объявлена присяга императору Николаю I.]

Булатовъ узналъ объ этомъ изъ коротенькой записки Рылѣва, кончавшейся тремя словами: «*Честь—Польза—Россія*».

Онъ понялъ, что рѣшать уже нечего,—само рѣшается.

14 Декабря Булатовъ былъ на Сенатской площади, рядомъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

«Вижу государя императора,—вспоминалъ онъ впоследствии.—Мнѣ понравилось мужество его. Я былъ очень близко отъ него, и даже не болѣе шести шаговъ, имѣя при себѣ кинжалъ и пару пистолетовъ... Я очень жалѣлъ, что не могу ему быть полезенъ... Обратился къ собранію 12-го числа, гдѣ было положено для пользы отечества убить государя. Но теперь я былъ возлѣ него и совершенно покоенъ и судилъ, что попалъ не въ свою компанію... Узналъ, что полковникъ Стюрлеръ раненъ, и одна мысль, что, можетъ быть, несчастное имя мое причиною жестокой раны вѣрнаго слуги государя и отечества, приводитъ меня въ ужасъ... Орудія начали дѣйствовать... Я былъ вблизи оныхъ, досадовалъ на распорядителей заговора, что, не имѣя понятія въ военномъ дѣлѣ, губятъ людей... А когда услышалъ, что изрубленъ обезоруженный офицеръ Московскаго (мятежнаго) полка, злоба овладѣла мною. И такъ, хотя гнусное дѣло быть заговорщикомъ, но если бы они не обманули меня числомъ войскъ и открыли видимую пользу отечества, я сдержалъ бы слово. Можетъ быть, мы были бы разбиты большинствомъ войскъ, но не такъ легко могли бы купить послѣднюю каплю крови моей... Когда заговорщики были прогнаны, я уѣхалъ домой, имѣя въ душѣ большое волненіе... Слышу безпрестанно разносящіеся слухи, что перевѣсь на сторонѣ заговора — и то радуюсь, то сожалею... Уважая государя, кипѣлъ къ нему ужаснымъ мщеніемъ, съ часу на часъ усиливающимся по доходящимъ слухамъ, что рубятъ обезоруженныхъ... Узналъ, что артиллерія не присягала, и какъ будто досадовалъ, что

она не идетъ на помощь (мятежникамъ), и опять довольтвовался, что она покойна. Не знаю, откуда челоувѣкъ мой Иванъ Семеновъ слышалъ, что въ 12 часовъ (опять) начнется дѣло... Ложась въ постель, я приказалъ, если что будетъ, осѣдлатъ мнѣ лошадь. Но вскорѣ живущій у насъ въ домѣ капитанъ Полянской увѣдомилъ, что все кончено».

Булатовъ такъ и не сумѣлъ раздѣлить сердца,—и оно само раздѣлилось, расколосось на-двое. Два сердца—два Булатова: одинъ за царя, другой за отечество. Въ этомъ была мука, но еще бѣлая мука въ томъ, что онъ не зналъ, гдѣ настоящій Булатовъ и гдѣ двойникъ. Или нѣтъ настоящаго, а только два двойника, которые сцѣпились и душатъ другъ друга?

«На другой день отправился въ Главный Штабъ для присяги... Злоба моя къ государю еще болѣе увеличилась... Я вбѣжалъ въ залу въ ужасномъ смятеніи, протолкался впередъ между народомъ. Читали манифестъ. Я слушалъ и дрожалъ. Подняли руки вверхъ, и я тоже. Присягаютъ всѣ, и я присягаю. Присяга кончена, всѣ цѣлуютъ слова Священнаго Писанія и подходятъ ко кресту... И такъ вотъ главное мое преступленіе... Я подхожу къ св. Евангелію, дрожа, цѣлую священные слова онаго и, поцѣловавъ крестъ, приношу клятву отомстить государю за изрубленныхъ моихъ товарищей. Я отшатнулся отъ креста, едва стоялъ на ногахъ и удивлялся, что никто меня не замѣчаетъ. Всякій, взглянувъ на меня, могъ смѣло сказать, что я злодѣй, и злодѣй такой, котораго и свѣтъ не производилъ».

Вотъ одинъ Булатовъ, а вотъ другой:

«Съ сими мыслями выхожу изъ Штаба. Государь ѣдетъ къ войскамъ. Въ глазахъ моихъ онъ кажется очень хорошъ, милостивъ. Онъ мнѣ поклонился и, казалось, улыбнулся. Неужели одни слухи могли ожесточить меня такъ противъ него?»

Въ эту минуту Булатовъ понялъ бы восклицаніе Аракчеева: «что мнѣ до отечества? Былъ бы живъ государь!»

Два Булатова—два двойника; то одинъ, то другой—смѣняются, перемежаются, все чаще и чаще, какъ бѣненія сердца въ стремительномъ бѣгѣ или мельканія раскачавшагося маятника.

Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Иногда находили на него минуты безпамятства.

Послѣ одной изъ такихъ минутъ, очнувшись онъ, «съ самою черною душою», въ Зимнемъ дворцѣ, въ государевыхъ комнатахъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ подошелъ къ нему.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ Булатова съ тою любезностью, съ которою въ этотъ день въ Зимнемъ дворцѣ встрѣчали всѣхъ «подозрительныхъ».

— Имѣю нужду говорить съ государемъ,—отвѣтилъ Булатовъ.

Онъ былъ страшенъ: больше чѣмъ когда-либо, лицо его кривилось, какъ въ кривомъ зеркалѣ и, казалось, что двѣ половины лица плохо склеены.

Великій князь понялъ, въ чемъ дѣло, и пошелъ докладывать. Булатовъ остался на своемъ мѣстѣ.

Кто-то закричалъ:

— Веревокъ!

Онъ поблѣднѣлъ: думалъ, что его хотятъ вязать. Хватился кинжала и пистолетовъ: ихъ не было,—должно быть, гдѣ-то забылъ. Злоба его удвоилась.

Но онъ ошибся: не его хотѣли вязать, а кого-то другого. Весь этотъ день хватали заговорщиковъ, водили во дворецъ, встрѣчали съ «любезностью» и тутъ же обыскивали, допрашивали, вязали веревками, набивали кандалы и отсылали въ крѣпость.

Булатову велѣли идти къ государю. Онъ вошелъ въ дверь и увидѣлъ издали идущаго къ нему навстрѣчу Николая Павловича.

До послѣдней минуты не зналъ онъ, какой изъ двойниковъ что скажетъ и сдѣлаетъ.

Но произошло то, чего онъ меньше всего ожидалъ.

— Я преступникъ... вели разстрѣлять...—началъ онъ и вдругъ остолбенѣлъ, почувствовалъ, что его обнимаютъ, цѣлуютъ. Долго не могъ понять, что это; когда же, наконецъ, понялъ, что государь милуетъ его, прощаетъ, благодаритъ, называетъ своимъ «товарищемъ»,—ужасъ охватилъ его, больше всѣхъ прежнихъ ужасовъ. Онъ почти лишился чувствъ въ объятыхъ государя...

Очнулся опять уже въ крѣпости.

Зналъ, что умереть; самъ себя осудилъ на смерть: нельзя человѣку жить, испытавъ то, что онъ испыталъ; но былъ спокоенъ и счастливъ: умереть «за царя и отечество».

Исчезли двойники проклятые. Сердце его, простое и прямое, какъ шпага солдата, сломалось на двое; но царская милость расплавилъ его, какъ молнія плавить желѣзо, и спаяла куски. Опять—одно сердце, чтобы любить одно: царя и отечество.

«Народъ, какъ несправедлива молва твоя! Какого вы хотите имѣть еще государя? А ты, Рылѣевъ, взгляни, чѣмъ я жертвовалъ для пользы отечества, которую ты не открылъ мнѣ... Куда ты велъ душу мою? Въ вѣчное мученіе... Но царь искупилъ ее... Боже, благодарю тебя!»—молился онъ и плакалъ отъ счастья.

Что милость царская, какъ милость Божья,—не сомнѣвался. Ужъ если такого злодѣя, какъ онъ, царь помиловалъ, то какъ-же не помилуетъ и всѣхъ остальныхъ «невинныхъ преступниковъ»? Преступники, потому что возстали на царя; невинны, потому что возстали для «пользы отечества», сами не зная, что дѣлаютъ.

«Чувствую біеніе ангельскаго сердца его, и можно ли думать, чтобы государь, оказывающій милости ужаснѣйшимъ злодѣямъ, не захотѣлъ любви народной себѣ и блага отечеству?... Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлаетъ все... Но отъ кого узнаетъ онъ, что нужно народу?»

Отъ него-же, отъ Булатова. Онъ поклялся довести до царя «ропотъ народа», сказать ему всю правду, не щадя ни его самого, ни любимцевъ его и никого на свѣтѣ.

Обо всемъ этомъ писалъ онъ великому князю Михаилу Павловичу безконечныя письма.

На одномъ изъ такихъ писемъ государь сдѣлалъ собственноручную надпись карандашемъ:

«Дозволить ему писать, лгать и врать по волѣ его».

Велико было удивленіе Булатова, когда повели его къ допросу и онъ узналъ, что его будутъ судить. Не самимъ-ли царемъ онъ помилованъ? Какой же судъ на царскую милость?

— Я виноватъ, но болѣе ни слова не скажу,—отвѣчалъ онъ судьямъ все одно и то-же, а потомъ и совсѣмъ замолчалъ.

Ждалъ отвѣта отъ царя,—отвѣта не было. Онъ не могъ понять, что это значить. Если бы зналъ, что тѣ пятеро, которымъ суждена была висѣлица, тоже прощены, то понялъ бы.

Опять черныя мысли стали находить на него: неужели онъ ошибся? прощенъ, но не помилованъ; или помилованъ, но не понять и презрѣнъ? Опять сердце, по тому же мѣсту, еще не зажившему, ломалось на двое. Только что изъ ада—и снова въ адъ.

Наконецъ, не выдержалъ,—потребовалъ отвѣта:

«Боясь потерять разсудокъ, желая лучше лишиться жизни, прошу ваше императорское высочество исходатайствовать всемилостивѣйшаго утвержденія моего приговора. Онъ необходимъ. Безъ прощенія всѣхъ я свободы не принимаю... Ваше императорское высочество, умоляя васъ, прошу исходатайствовать свободу всѣмъ или мнѣ смерть. Избирайте любое».

«Il parle comme un fou. Je ne puis pour le moment rien pour lui». (Онъ говоритъ, какъ помѣшанный. Я сейчасъ ничего не могу для него),—надписалъ великій князь на этомъ письмѣ.

Положеніе было, дѣйствительно, трудное. Что дѣлать съ «помѣшаннымъ»? Скорая смерть была-бы для него единственною милостію. Но не разстрѣлять-же его безъ суда, какъ онъ этого требовалъ.

А Булатовъ продолжалъ вопить изъ своего ада. Уже не молилъ прощенія всѣмъ, а только себѣ казни,—иначе грозилъ покончить съ собой.

«Я имѣю случай найти тѣмъ смертей: ножи, веревки, крючки, мой шарфъ и даже португеза могутъ прервать дни мои, но я не хочу употребить во зло великодушіе моего государя... Итакъ, прошу ваше высочество утвердить мой приговоръ, мною избранный: велѣть меня безъ замедленія разстрѣлять».

Булатова не разстрѣляли, и онъ понялъ, наконецъ, страшную истину.

«Съ 30-го числа (декабря), видѣвши ко мнѣ пренебреженіе государя и вашего высочества, началъ я готовиться къ избранной мною смерти: уморить себя голодомъ. И по моему разсчету, я долженъ кончить жизнь въ день Богоявленія (6 января) и очень желаю для блага моего государя и отечества сойти въ могилу. Тогда, хотя тѣмъ, что говорилъ правду въ защиту невинныхъ преступниковъ и въ пользу отечества, возвращаю доброе имя мое и не посрамлю креста моего».

Въ назначенный день началъ онъ голодать. Дня черезъ три такъ ослабѣлъ, что видно было, долго не выживетъ.

У Михаила Павловича было доброе сердце. Онъ посѣтилъ Булатова въ крѣпости, образумливалъ, убѣждалъ, умолялъ его; но, наконецъ, видя, что все бесполезно, заговорилъ, какъ съ «помѣшаннымъ»: обѣщалъ исполнить просьбу его, если онъ согласится ужинать. Булатовъ согласился. Но уже плохо вѣрилъ.

«Я далъ слово вашему императорскому высочеству вчерашній день ужинать—и исполнилъ. Теперь ожидаю выполнения слова вашего высочества, чтобы завтрашній день исполнить мой приговоръ... 6-го числа, въ день Богоявле-

нія, я уже никакихъ милостей не принимаю и даю клятву, если завтрашній день не рѣшится участь моя, во всемъ обманывать государя императора и ваше императорское высочество—и быть льстецомъ», т. е. лжецомъ. Ложь за ложь, обманъ за обманъ.

Въ назначенный день, 5 января, Булатовъ не получилъ отвѣта и 6-го, въ день Богоявленія, снова началъ голодать.

Просилъ, чтобы ему позволили причаститься передъ смертью. Не позволили. Все еще надѣялись, что образумится. Установили строжайшій надзоръ. Жалѣли и мучили его. Ставили передъ нимъ самую вкусную пищу, самое свѣжее питье. Онъ ни къ чему не прикасался—только грызъ пальцы и сосалъ изъ нихъ кровь, чтобы утолить жажду.

Должно быть, его насильно кормили, потому что муки его продолжались дольше, чѣмъ онъ думалъ,—12 дней.

Какъ ни строгъ былъ надзоръ, онъ сумѣлъ обмануть сторожей. Вечеромъ 18 января, когда одинъ изъ нихъ вышелъ или задремалъ,—Булатовъ разбилъ себѣ голову объ стѣну.

Его перевезли, еще живого, въ госпиталь. На слѣдующій день, 19 января, утромъ онъ скончался. Причастилъ-ли его добрый о. Петръ Мысловскій, духовникъ арестантовъ по дѣлу 14 декабря? Онъ такъ любилъ и жалѣлъ ихъ, что не побоялся-бы взять грѣхъ на душу.

Булатовъ—«безумецъ»? Но нѣтъ-ли такихъ предѣловъ человѣческой муки, которые кажутся тѣмъ, кто не испыталъ этихъ мукъ,—«безуміемъ»? Какъ бы то ни было, но въ послѣднія минуты сознанія онъ говорилъ слова не безумныя.

«Каждый христіанинъ, имѣя крестъ, долженъ нести его, ибо Самъ Спаситель несъ крестъ, данный Ему Отцомъ Его».

Вину своей гибели онъ бралъ всю на себя и никого не судилъ. «Не только не кляню тотъ день, въ который попалъ въ партію заговора, но въ послѣднія минуты жизни

моей благословляю его и благодарю моего стараго товарища Рылѣева». И всѣхъ остальныхъ заговорщиковъ «желалъ бы обнять, какъ друзей». У Аракчеева, злѣйшаго врага своего, просилъ прощенія: «отомстя ему за ненависть къ русскому народу, прошу его прощенія, принося ему мое совершенное благодареніе, ибо одно имя его дало случай уловить меня въ сей заговоръ». Государю возвращалъ слово, которымъ онъ простилъ его.

Такъ умеръ этотъ «безумецъ».

Среди «невинныхъ преступниковъ» 14-го декабря есть много людей болѣе сильныхъ и свободныхъ духомъ, чѣмъ Булатовъ; но нѣтъ ни одного, болѣе чистаго сердцемъ, и кто бы такъ страдалъ, какъ онъ.

«По послѣднюю минуту дыханія моего люблю отечество и народъ русскій и за пользу ихъ умираю самою мучительною смертію».

Онъ это сказалъ и сдѣлалъ.
